

обществе есть трудно, а в большом невозможно» (III, 10), он образует правительство из «единого или многих». Если для Руссо законодателем может быть только суверен, т. е. народ, собранный на площади,⁴⁹ то у Радищева «употребитель народной власти (т. е. исполнительная власть, правительство, — Ю. Л.) дает законы». В таком понимании закон может предписывать свою волю лишь отдельным гражданам, но не всему народу, который всегда выше законодателя: «Законы есть предписание высшей власти для последования единственного; ибо соборному деянию народа власть, народом поставленная, хотя всего превыше, не может назначить ни пути, ни предела» (III, 10—11). Правительство — только «употребитель» народной власти. В этом отношении понимание Радищева близко к Руссо, считавшему, что «хранители исполнительной власти являются не господами народа, а его чиновниками», и при соблюдении этого условия «даже монархия становится республикой».⁵⁰ Критерием исполнения государем своих обязанностей является счастье отдельного гражданина. Поскольку (здесь Радищев расходится с Руссо) эгоизм отдельного человека должен совпадать в справедливом обществе с общенародными интересами и является основой морали, то государство, созданное как орудие общей пользы, не может посягать на счастье даже одного из граждан: «Отъявй единое из сих прав <имение, честь, вольность или жизнь, — Ю. Л.> у гражданина, государь нарушает первоначальное условие и теряет, имея скиптр в руках, право ко престолу» (III, 15). Единичный случай угнетения есть свидетельство искаженности всего государственного порядка. Радищев выписал «мнение судии Гольма»: «Если человек заключается властью не законною, то сие есть достаточная причина всем для принятия его в защиту<...> Когда свобода подданного нарушается, то сие есть вызов на защиту ко всем английским подданным» (III, 44). Уничтожение несправедливой власти мыслится Радищевым как революционный акт,

⁴⁹ Ср. «Суверен может действовать, лишь когда народ собран». Ж.-Ж. Руссо. Об общественном договоре, стр. 78.

⁵⁰ Ж.-Ж. Руссо, ук. соч., стр. 86 и 33. На аналогичную, по сути дела наивно-крестьянскую, точку зрения ориентировался Чернышевский, когда в листовке «Барским крестьянам» писал о политическом порядке, при котором «царь, значит для всего народа староста, и народ-то, значит, над этим старостой, над царем-то, начальствует». И дальше: «А то и при царе тоже можно хорошо жить»<...> Только, значит, с тем, чтобы царь во всем народу послушанье оказывал и без народа ничего сделать не смел...» (Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. XVI, ГИХЛ, М., 1953, стр. 951).